

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Трактовка культуры как культа и рационального дискурса // Философия и культура. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.5.73152 EDN: JOETDU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73152

Трактовка культуры как культа и рационального дискурса

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Философская антропология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.5.73152

EDN:

JOETDU

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2025

Дата публикации:

13-05-2025

Аннотация: В статье разводятся две трактовки культуры: как культа и рационального построения; в последней автор в свою очередь различает семиотические, психологические и социальные нарративы. Анализируется характеристика культуры, предложенная Михаилом Гефтером: культура – это «отношение к тому, что человеку не дано непосредственно, но имеет для него спасительно-преобразующее значение». На основе нее автор утверждает, что человек культуру полагает, причем, не только мысля рационально, но и в плане веры. Двойная трактовка культуры – сакральная и рациональная складывается уже в античности и дальше воспроизводится применительно к разным культурным условиям. Рассматриваются исторические примеры такой трактовки: в архаической культуре, в средних веках в «Исповеди» св. Августина, в эпоху Возрождения Николаем Кузанским. Новоевропейская культура (социологи чаще говорят, модерн), по мнению автора, представляет собой последний вариант двух версий культуры. Поскольку культура модерна завершается, претерпевая глубокий

кризис, представления о природе, личности и социальности, лежащие в основе культа модерна, перестают восприниматься в качестве сакрального основания, а рациональные построения перестают эффективно работать. В конце статьи обсуждаются идеи космической реальности, а также истории, выдвигаемые на роль нового культа следующей большой культуры («фьючекультуры»). Есть и другие претенденты на роль культа для фьючекультуры (мировые религии, Человечество, Разум, искусственный интеллект, диктатура и др.) но все они пока не принимаются основными участниками современного дискурса «Спасения». Автор, сравнивая разные исторические варианты "Спасения", ставит вопрос, есть ли у человечества запас времени для решения «монблана» современных проблем современности.

Ключевые слова:

культура, история, культ, рациональные концепции, прошлое, будущее, проект, реализация, версии, реконструкция

Постановка проблемы

Мои исследования культуры выполнены в рамках второй версии. В книгах «Культурология», «Античная культура», «Теоретическая и прикладная культурология» я анализировал и реализовал как подход семиотическую версию культуры, психологическую и социальную [\[9-12\]](#). Знаком я был и с первой версией, но не придавал ей большого значения, считая религиозной и в этом смысле не совсем научной. Действительно, например, Николай Бердяев и Светлана Неретина прямо указывают на сакральный аспект. «Культура, – пишет Н. Бердяев, – родилась из культа. Истоки её — сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной... Культура имеет религиозные основы» [\[2\]](#). С.Неретина добавляет к этому еще утверждение о «смерти культуры» как центрального для гуманитаристики XX столетия понятия. «Упование на культуру, – пишет С.Неретина, – а сейчас на нее кивают почти все и невзирая ни на что, именно потому сейчас не имеют прежнего веса...о ней так много говорят, потому что она преставилась. Преставилась как центральное понятие философии XX века. Ее универсальное обаяние – это обаяние культуры мертвой... Процессы, ныне происходящие, можно назвать постхристианскими и потому, что мы вступили в иной мир этики, точнее не – или внеэтики ... В той или иной степени теоретики культуры связаны с религией, и поэтому вопрос о единстве христианства и культуры не посторонний, каким он является, например, для той части мирового сообщества, которое не связано с религией столь тесными узами, как ветви со стволом мирового древа... Сегодня мы вправе поставить вопрос о *конце культуры*. Не о конце жизни, не о смерти человека, а именно о конце культуры как явления, имевшего свое начало и соответственно долженствующего иметь свой конец... Поэтому, на мой взгляд, сейчас, в эпоху переходности, необходимо не упование на культуру (сродни религиозной мольбе). Необходима критика культурного разума...» [\[7, с. 230, 231, 258, 271, 273\]](#).

Но вот относительно недавно познакомился с замечательной работой советского и российского историка и философа Михаила Гефтера «Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством». В ней он, в частности, высказывает предположение, что культура появилась как объективное условие («сумма средств») преодоления страха перед смертью. «Я пытаюсь, – объясняет эту гипотезу М. Гефтер, – определить культуру как отношение к тому, что человеку не дано непосредственно, но

имеет для него спасительно-преобразующее значение. Культура – это сумма средств, которыми человек облегчил себе ношу первооткрытия смерти, пользуясь речью, возможно, в связи с этим и возникшей» [5].

Обратил внимание на фразу: культура «не дана непосредственно, но имеет для человека спасительно-преобразующее значение». Что значит, «не дана непосредственно», действительно, это ведь не вещь и не противопоставленный глазу объект. Следовательно, человек культуру полагает, причем, не только мысля рационально, но и в плане веры, поэтому, возможно, не ясны ее границы, как пишет М.Бахтин «внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду». А «спасительно-преобразующее значение» поскольку это сумма средств, позволяющих почти без страха смотреть смерти в лицо, ведь как человек культуры он не только конечен (смертен), но в плане языка, культурной памяти, а также творчества бессмертен.

Филогенетические аналогии

Ну ладно, подумал я, это истолкование культуры Гефтером, а интерпретаций высказывания может быть много. Вспомнил, однако, что, реконструируя самую первую культуры («анимистическую», по Э. Тэйлору, «архаическую», в моей версии), тоже положил смерть как одну из проблем, требующих своеобразного спасения. Я показываю, что где-то на рубеже 20-30 тысяч лет до н.э., человек перестал понимать, что такое смерть и начал ее страшно бояться, что такое болезнь, сновидения и созданные им самим наскальные рисунки (животных и людей нет, но они видны).

Так вот, человек того времени изобретает схему души, наделяя души, во-первых, бессмертием (душа живет всегда, поэтому можно не бояться смерти, это всего лишь смена места пребывания), во-вторых, характеристиками (может покидать тело и возвращаться назад), позволяющими понять, что такое смерть, болезнь, сновидения, наскальные образы. Смерть – уход души из тела навсегда; болезнь – временно, она может вернуться и тогда человек выздоровеет; сновидения – путешествие душ во время сна; наскальные рисунки – вызывание души (поэтому они видны, но их нет как обладающих телом).

Разрешив эти проблемы, архаический человек распространяет схему души на природные и социальные явления (стихии), которые в результате ожили и стали понятными в своих действиях. Скажем, что такое ветер – живое существо, обладающее душой: его можно вызвать, нарисовав (австралийские аборигены для этого рисуют спираль, очевидный образ песка, закрученного ветром спиралью), попросить о чем-то. «У всех славян было принято кормить ветер хлебом, крупой, мясом. У каждого народа существовали свои традиции задабривания ветра... Древние ацтеки верили, что бог ветра Экатль приводил в движение Солнце и Луну. В честь бога ветра возводились круглые храмы, поскольку тот не любил углы... На территории Северной Америки существовали свои интересные обряды. Так, индейцы чорти с помощью лассо ловили северный ветер, приносящий болезни и зло, и связывали его... Согласно легенде, однажды к Соломону явилась старушка и попросила наказать ветер, развеявший муку, которую она только что купила. Мудрый Соломон, не желая очернить в глазах людей Бога в лице ветра, возложил вину и возмещение ущерба на моряков, которые в тот день молили Небеса послать им сильный попутный ветер...» [8]

А вот, например, как архаический человек осмыслил появление у матери второй души – будущего ребенка. Жених ее, он же охотник, убивая животное, перегоняет его душу в

страну предков. Но когда он выступал в роли мужа, то действовал обратно, перегоняя душу ребенка в тело матери. Получалось, что муж – это с одной стороны, охотник, с другой – собственно муж, участвующий в рождении будущего члена семьи. Чтобы понять это, архаический человек рисовал, вызывая души для действия: вот муж как охотник стреляет в животное, а как муж в свою жену; первое условие размножения животных, второе – рождения будущего ребенка.

Петроглиф (Неолит. Тиу, Северная Африка).

Вспомнив все это и сравнив эту реконструкцию с реконструкциями последующих культур, я вышел на следующее предположение. Да, М. Гефтер прав, говоря, что культура это сумма средств, обеспечивающих спасительно-переобразующее воздействие. Но не только в отношении смерти, хотя возможно, это была исходная «проблемная ситуация», но и всех других, важных для жизни проблем (осмысление природных и социальных стихий, рождения детей и пр.). При этом человеку приходится положить особую реальность (в архаической культуре – души, в следующей, «Древних царств», – реальность языческих богов, в античной культуре – богов и «вещей», в Средние века – христианского Бога, в Новое время – природы и личности), которая все объясняет и обуславливает. Но если эта реальность все объясняет и обуславливает и к тому же не дана непосредственно, то становится ясным, почему ей поклоняются (воспевают и прославляют) и воспринимают особым органом чувств – сакральным («третий глаз», мудрость, озарение и прочее). И что это тогда, если не культ (культура как культ), и одновременно сумма средств (семиотических, психологических, социальных, добавил я, подразумевая свои исследования культуры)?

В свое время, изучая переход от античности к средним векам, я не мог понять, каким образом античный человек, уже вкусивший сложности философии и науки, мог принять Бога в трех лицах, всеблагого и всемогущего, и не увидеть в Священном писании массу противоречий. Но, подумав, вынужден был согласиться, что подобный шаг был именно спасительным. Дело в том, что к этому времени античная культура находилась в глубоком кризисе и завершалась. Вера в языческих богов сильно пошатнулась (они вели себя не лучше людей, их власть стала выглядеть эфемерной), но страх смерти никуда не ушел. Да христианский Бог выглядел фантастическим, но он обещал вечную жизнь, сильную власть, справедливость и любовь. Вот иллюстрация всего лишь одного из этих обещаний, зато какого, бессмертия. «Посему мы веруем, – пишет Татиан Ассириец (112 – 185 гг.), – что по окончании всего будет Воскресение тел... Пусть огонь истребит мое тело, но мир примет это вещество, рассеявшееся подобно пару; пусть погибну в реках или морях, пусть буду растерзан зверями, но я сокроюсь в сокровищнице богатого Господа. Человек слабый и безбожник не знает, что сокрыто; а Царь Бог, когда захочет, восстановит в прежнее состояние сущность, которая видима для Него одного» [\[15\]](#).

Полагание новой сакральной реальности, ее культ, вовсе не отрицает поисков

рациональных средств разрешения вставших проблем. Св. Августин, приходя к мысли, что Бог не является природным феноменом, а «Дух» [\[1, с. 35\]](#), одновременно вырабатывает в «Исповеди» рациональную формулу, говоря, что Господь есть «истина, путь и творение», концепция, которая во многом направляла реальную жизнедеятельность средневекового человека, культивировавшего христианство [\[1\]](#).

Но понятие природы, вставшее на место Бога, кажется, прямо противоположно культу. Однако разве законы природы не символическая калька «божественных законов», и разве не Бог создал природу, опираясь на математику, утверждал Роджер Бэкон, отчасти следуя за Платоном? И не сближает ли в эпоху Возрождения Николай Кузанский природу с Творцом и рациональными математическими построениями.

Миниатюра XIII века (Бог создает мир,
предварительно рассчитанный Им математически)

«Все наши мудрые и божественные учителя, – пишет Николай Кузанский, – сходились в том, что видимое поистине есть образ невидимого, и что творца, таким образом, можно увидеть по творению как бы в зеркале и подобии...

Таковы математические предметы... многоопытные мужи сравнивали преблагословенную Троицу с треугольником о трех равных прямых углах; поскольку он, как будет показано, обязательно должен иметь бесконечные стороны, его можно назвать бесконечным треугольником. Мы следуем и за ними. Третьи, пытаясь представить в математической фигуре бесконечное единство, называли Бога бесконечным кругом. А созерцатели всецело актуального божественного бытия называли Бога как бы бесконечным шаром. Опять-таки, мы покажем, что и они правильно понимали величайший максимум и что смысл у них всех один<...>

Поистине Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией – искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений» [\[6\]](#).

Хотя в новое время на первый план выходит земная реальность, постигаемая в естествознании и математике, сакральный (духовный) смысл природы сохраняется, и поэтому она понимается не только рационально, но и переживается как культ. Правда, страх перед смертью возвращается, поскольку практически невозможно становится помыслить воскрешение из мертвых как естественный, природный процесс. Продумывая этот момент, известный шведский ученый и инженер начала XVIII столетия Эмануэль

Сведенборг, оставив занятия наукой и переключившись на христианское спасение, элиминирует само понятие смерти. В его учении каждый человек бессмертный дух, но после цикла земной жизни одни духи, любящие добро и Господа, претерпевают превращение в ангелов и уходят на небо служить Ему, а другие, склонные к злу, превращаются в демонов и падают в ад, где продолжают жить, выступая против неба и ангелов [\[13\]](#). Впрочем, мир, представленный в учении Сведенборга, не смог занять место культуры как нового культа.

Становление модерна как реализация социального проекта

К сожалению, в настоящее время новоевропейская культура (модерн) завершается, причем сверх драматично, поскольку под сомнением оказалось само существование нашей цивилизации. Исходная предпосылка модерна относится еще к установлению «Вестфальского мира» (середина XVII века), утвердившего свободу вероисповедования и социального обустройства народов на своей территории. Но возникал вопрос, как обеспечить благосостояние для новых сообществ, складывающихся взамен сословного католического общества, которое постепенно распадалось; одной «свободы, братства и равенства» здесь явно было недостаточно.

Решая эту проблему, Френсис Бэкон намечает концепцию «овладения природой», понимая под последней не просто естественный род бытия (движения, происходящие сами собой, Аристотель), но также как источник сил и энергий, процессы, подчиняющиеся математическим отношениям, латентное божественное начало (смысл нового культа). «Пусть, – писал Ф. Бэкон в «Новом органоне», – человеческий род только овладеет своим правом на природу, которая назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество» [\[3, с. 193\]](#).

Концепция овладения природой – вторая предпосылка. Третья, новое понимание личности: она и природное образование и разумное (духовное и рефлекслирующее). С личности и надо начинать преобразования, считал Ф. Бэкон: «но, прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума<...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа» [\[4, с. 69\]](#).

Четвертой предпосылкой можно считать следствия, вытекающие из концепции овладения природой, – необходимость создать науки о природе (естествознание), «новую магию» (инженерию), а также новую социальную организацию («Новая Атлантида»), которая бы обеспечила реализацию этой концепции, как своеобразного «социального проекта». Термин «социальный проект» авторский, но проектный характер становящегося модерна был налицо (замыслы Ф.Бэкона привлекли многих, и их стали воплощать в жизнь).

Почему же реализация намеченного Ф.Бэконом социального проекта, который уточнялся и разворачивался, включая в себя и новые проекты (например, «Просвещения», «Создание промышленности», «Государств всеобщего благосостояния») привело как к запланированным результатам, так и к серьезным негативным последствиям (экологический кризис, две мировые войны, социальное неравенство и пр.). Здесь три основные причины. Первая, реализация социальных проектов (в отличие, например, от архитектурных и технических [\[14, с. 49-61\]](#)) в силу недостаточного понимания социальных процессов не позволяет построить объект, точно соответствующий проекту; как правило, он сильно отличается от планируемого [\[14, с. 84-87\]](#). Вторая, человек творческое и

развивающееся существо: если сначала он создал по проекту новый социальный порядок и институты, то потом изобретает способы использовать их не по назначению, например, для своего, а не общего блага (коррупция, рентостроительство, захват институтов и превращение их в инструмент личной власти). Третья причина, сам характер культуры как семиотического и социального организма – культура меняется, усложняется, так что рано или поздно фундаментальные схемы и сценарии, определяющие ее, перестают быть эффективными, более того, они становятся деструктивными.

Модерн не исключение. В настоящее время результаты «Вестфальского мира» не больше, чем история; природа рассматривается не только как источник благосостояния, но и объект глобальной активности человека, угрожающий самому его существованию и жизни на земле; личность понимается не столько как разумная, но скорее эгоистическая и неразумная; активность человека рассматривается как стихия, законы которой человек не знает; ее продукты, например искусственный интеллект, как новая реальность, готовая поработить человека. В этом контексте человек перестает ощущать и культ новоевропейской культуры. Отсюда утверждение, что для современности и будущего характерны сложность и неопределенность.

Поиски культа для следующей большой культуры («фьючекультуры»)

Михаил Гефтер видит этот культ в правильно понимаемой истории, т.е. такой, которая осмыслена и отрефлектирована на предмет основных противоречий и трендов («Будущее не просто то, что предстоит. *Будущее — то, что предстоит, выбранное из некогда отбракованного в прошлом, чего не стало и не вернется уже никогда*» [\[5\]](#)). При этом считает он, эту тему обсуждал уже Маркс, а культура, приходящая на смену модерну, должна быть планетарной и сознательно выстроенной. Поскольку, однако, нет одной линии развития, развития от точки бифуркации, в которой мы находимся, может быть несколько, один из сценариев развития – катастрофа, конец жизни.

«Вывод Маркса, – пишет он, – капитализм пережил свой “второй XVI век” и теперь начался сызнова. Значит, капитализм обладает неизвестным коммунистической теории ресурсом – за счет чего? За счет *пространства планеты*. Капитал распространяется вширь, его масштаб меняется... Марксу очень важно, что на подходе Россия. Но важны и трудности внутреннего движения “Капитала”, где предмет заявлен как *унитарно-планетарный*. А планетарный оказывается не унитарен!.. Короче – “Манифест” отменяется! Встает другая задача: капитализм может быть преодолен только капитализмом же – и Маркс уходит заниматься политэкономией... Правда, встает вопрос: как быть с курсом на революцию пролетариата – не делать революции? Нет, и от этого Маркс отказаться не может... Кстати, картинка, которую Маркс рисовал народникам... – не бессмысленна и теперь. Есть мир высоких цивилизаций, где новая Россия опять выполняет роль маргинала. И где цивилизованный Мир ради самосохранения должен сделать поприщем деятельности миллиарды землян. А внутри себя экономически и антропологически облегчить смену деятельности – чтобы все жили иначе, но жили как люди. Для этого из мира гигантских корпораций и гонки потребления надо как-то перейти в тот Мир, который уже на подходе. Либо погибнуть, что вовсе не исключено» [\[5\]](#).

Но правильная история в версии Гефтера – достаточно сложное построение, культура как культ, вероятно, должна быть понятна не только образованным и интеллектуалам, но и большинству населения. Во всяком случае, так было в прошлом. Сегодня есть и второй претендент, возможно, более понятный – космос. Я удивлялся, не понимая, почему в

последние десятилетия так снова оживилась космическая проблематика (русские космисты, Илон Маск и пр.). Не потому ли, что космическая реальность рассматривается в качестве культа для фьючекультуры? Вот один пример, хотя вроде бы речь идет о философии техники.

«В "Вопросе о технике в Китае", – пишет Юк Хуэй, восходящая гонконгская звезда западной философии техники, – я разработал концепцию космотехники, чтобы показать, что не существует одной всеобщей и однородной техники, и поэтому нам, скорее, необходимо заново открыть разнообразные виды космотехник и описать их с исторической и философской точек зрения. Я дал предварительное определение космотехнике как слиянию морального порядка и космического порядка посредством технической деятельности...Я называю это космотехникой, потому что убежден, что "космос" означает не пространство за пределами атмосферы Земли, а, наоборот, локальность. Каждая культура имеет свою собственную космологию, которая является продуктом ее собственной географии и воображения людей, принадлежащих к ней... Главное наблюдение заключается в том, что эти космологии содержат в себе способы познания и бытия, поэтому их нельзя просто отвергнуть из-за того, что они не соответствуют современным научным теориям. Безусловно, от некоторых суеверных и иллюзорных элементов необходимо отказаться, но космологии гораздо богаче таких устаревших верований. Вместо того, чтобы рассматривать их как нечто, ушедшее в прошлое, или замененное чем-то другим, мы можем подойти к ним иным способом: заставив мышление индивидуализироваться перед лицом таких несовместимостей. Это то, что мы сегодня можем назвать задачей мышления» [\[16, с. 68-69\]](#).

Здесь обертоны и культа («моральный и космический порядок», «воображение людей») и рациональных решений («космологии содержат в себе способы познания и бытия»). Есть и другие претенденты на роль культа для фьючекультуры, но все они пока не принимаются основными участниками современного дискурса «Спасения». Чтобы утвердился дискурс средневекового Спасения, потребовалось два-три, если не четыре, столетия. Вопрос, есть у современного человечества такой запас времени?

Библиография

1. Августин А. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Бердяев Н. Философия неравенства (Письмо тринадцатое о культуре). URL: <https://www.vehi.net/berdyaev/neraven/13.html> (дата обращения: 10.12.2024)
3. Бэкон Ф. Новый органон. Л.: СОЦЭКГИЗ, 1935. 384 с.
4. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
5. Гефтер М. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. URL: <https://predanie.ru/book/220783-tretego-tysyacheletiya-ne-budet-russkaya-istoriya-igry-s-chelovechestvom/#/toc3> (дата обращения: 10.12.2024)
6. Кузанский Н. Об ученом незнании. URL: http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm (дата обращения: 10.12.2024)
7. Неретина С.С. Точки на зрении. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2005. 359 с.
8. Почему в древности люди обожествляли ветер. URL: <https://nespeshnyrazgovor.mirtesen.ru/blog/43969776765/Pochemu-v-drevnosti-lyudi-obozhestvlyali-veter> (дата обращения: 10.12.2024)
9. Розин В.М. Культурология. 3-е изд. М.: Юрайт, 2018. 410 с.
10. Розин В.М. Теретическая и прикладная культурология. М.: ЛЕНАНД. 2019. 400 с.
11. Розин В.М. Античная культура. Воронеж, 2005. 272 с.

12. Розин В.М. Предпосылки и особенности античной культуры. ИФРАН, 2004. 297 с.
13. Розин В.М. Демаркация науки и религии: Анализ учения и творчества Эмануэля Сведенборга. М.: URSS, 2023. 168 с.
14. Розин В.М. Проектирование и программирование: Методологическое исследование. М.: ЛЕНАНД, 2018. 160 с.
15. Татиан Ассириец. Речь против эллинов. URL: http://k-istine.ru/library/tatian_asiriec-01.htm (дата обращения: 10.12.2024)
16. Хуэй Юк. Искусство и космотехника. М.: Изд. АСТ, 2024. 384 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье автор систематизирует и обобщает исследования в области истории и теории культуры, которые проводились им на протяжении многих лет. В области изучения культуры, утверждает он, выделяются два подхода, ориентирующиеся на понимание культуры как «культы» и как «рационального дискурса», причём свои собственные работы он относит к числу исследований, проводившихся в нашей стране в рамках второго подхода. Вместе с тем, автор обращает внимание на новые, не учтённые им прежде идеи в области анализа культуры, в частности, положение, согласно которому «культура появилась как объективное условие («сумма средств») преодоления страха перед смертью». В этой связи он заостряет внимание на том, что «человек культуру полагает, причем, не только мысля рационально, но и в плане веры», что культура позволяет «почти без страха смотреть смерти в лицо, ведь как человек культуры он не только конечен (смертен), но в плане языка, культурной памяти, а также творчества бессмертен». Думается, сочетание рационально-дискурсивных и «экзистенциальных» (и часто при этом «интуитивных») элементов вообще характерно для философского знания, в случае же с исследованиями культуры это противоречивое единство, действительно, выступает на первый план, поскольку то «выхождение» человека за границы конечного индивидуального существования, о котором говорят мыслители, художники, моралисты, осуществляется как раз средствами культуры, располагается в области культурной памяти. Продолжая свои размышления на эту тему, автор приводит множество интересных примеров из истории мифологии и религиозного сознания, искусства, быта. Общее устремление этих размышлений состоит в том, чтобы на разных этапах истории культуры человечества отыскивать «переходные формы» выделенных в названии статьи методологических установок, анализировать их взаимосвязи и часто также - и переклички через века. Одним из ценных элементов статьи являются многочисленные свидетельства из области истории культуры, на которые автор либо ссылается непосредственно, либо представляет их в обобщённой форме. Они помогают воссоздать конкретный исторический контекст различных представлений о взаимосвязи «экзистенциального» и «рационального» в жизни человечества. Для автора принципиально важно, что будущее культуры открыто (и это уmonoстроение усиливается в процессе повествования), он стремится обращать внимание на свидетельства, которые стимулируют «поиск», а не «результат». В этой связи можно констатировать, что статья имеет эвристическую значимость для будущих исследователей в области истории и теории культуры, она способна продемонстрировать открытость обсуждаемых проблем и парадоксальность предлагавшихся прежде решений, необходимость поиска новых подходов в области изучения культуры. Рецензент должен признаться, что у него не возникло серьёзных замечаний теоретического характера,

единственное пожелание состоит в том, чтобы ещё раз проверить стилистику и оформление текста.